

БЕЛОРУССКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ В.И.ЛЕНИНА

На правах рукописи

ВАСККОВИЧ Людмила Сергеевна

УДК 806.26-087-3

ЭТИМОЛОГИЯ, СЕМАНТИКА ДИАЛЕКТНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ
ЕДИНИЦ, ОСВОЕНИЕ ИХ ЛИТЕРАТУРНЫМ ЯЗЫКОМ
(на материале фразеологии Ушаччины)

10.02.02 - языки народов СССР

/Белорусский язык/

А в т о р е ф е р а т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Минск 1986

Работа выполнена на кафедре белорусского языкознания
Минского ордена Трудового Красного Знамени
государственного педагогического института имени А.М.Горького

Научный руководитель -- заслуженный деятель науки БССР
доктор филологических наук
профессор Ф.М.ЯНКОВСКИЙ

доктор филологических наук
профессор, академик АН БССР
Н.В.БИРИМО

кандидат филологических наук
доцент Г.Н.МОЛОЖАЙ

Ведущая организация -- Гродненский государственный
университет

Защита состоится "11" сентября 1986 года в "14"
часов на заседании специализированного совета Д 056.03.06 при
Белорусском государственном университете имени В.И.Ленина
/г.Минск, ул.Красноармейская, 6, гуманитарный корпус БГУ
имени В.И.Ленина, ауд. 23/.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке
БГУ имени В.И.Ленина.

Автореферат разослан "29" сентября 1986 года

Ученый секретарь
специализированного совета
доктор филологических наук
профессор

П. И. Шуба

А к т у а л ь н о с т ь и с с л е д о в а н и я. Теоретическое осмысление белорусская фразеология получила в конце 60-х годов. В первых фразеологических изысканиях (докторская диссертация Ф.М.Янковского, публикации А.С.Аксамитова) нашли решение проблемы, определившие последующее развитие фразеологии как самостоятельного раздела языкознания: этимологизация фразеологических единиц (ФЕ), диалектная фразеология и литературный язык, фразеологизмы и перевод, фразеологические соответствия в белорусском и русском языках, создание фразеологических словарей различных типов.

В русле этих проблем в последние годы исследуются процесс становления и развития фразеологии белорусского языка (А.С.Аксамитов), стилистическая дифференциация ФЕ, фразеологическая норма, обоснованные и необоснованные отступления от нее (И.И.Мельшев), использование фразеологизмов в художественном тексте (Т.Н.Трипутина), прослеживается эволюция фразеологической системы на срезе различных исторических периодов (Ф.И.Томашевич, Н.Н.Олехнович, В.И.Нестерович, В.К.Мороз). К настоящему времени белорусские фразеологи располагают значительными материалами, представленными в пяти фразеографических работах, в многочисленных публикациях. Защищен ряд диссертаций по собственно фразеологической тематике. В центре внимания исследователей остаются вопросы современной литературной и исторической фразеологии, изучение же диалектных ФЕ преимущественно носит фразеографический характер (Е.М.Комаровский, Е.С.Метельская, Г.Ф.Арченко).

Накопление, мобилизация диалектных фактов послужит сохранению национального фразеологического фонда, пополнению ресурсов фразеологии литературного языка. Региональные ФЕ, "консервирующие" и надежно сохраняющие утерянные языком элементы, — авторитетное и достоверное подспорье в кропотливых этимологических развоканиях. Актуальность реферируемого исследования определяется и задачей создания Словаря белорусской народной фразеологии, издать который "наспела потребность" (Ф.М.Янковский). Сбор, систематизация фразеологических материалов — конкретная ступенька на пути к его подготовке. Составление "фразеологических словарей для национальных языков Советского Союза, — как указывает А.М.Бабкин, — должно рассматриваться как одна из актуальнейших задач национальной лексикографии".

выбор конкретного региона обусловлен тем, что Ушаччина (Витебщина) отмечена специалистами как белое пятно на фразеологической карте республики: "Стало необходимо создание не одного исследования белорусской диалектной фразеологии (к примеру, заславльско-логойских и близких к Минску, околославльских земель, Ушаччины, Бобруйщины, Слуцщины, Вилейщины, Новогрудщины, Слонимщины и т.д.)"¹, "впереди большая работа по составлению... региональных фразеологических словарей Витебщины, Минщины, Гродненщины, Гомельщины"². Выбор региона способствовал выявлению стилистических возможностей диалектной фразеологии в языке художественного текста: Ушаччина — родина народного поэта БССР, лауреата Ленинской и Государственных премий СССР и БССР П.Бровки, народного писателя Белоруссии, лауреата Государственных премий СССР и БССР В.Быкова, литературных авторитетов Е.Лось, Р.Бородулина. Естественно предположить, что фразеологический запас родных говоров в той или иной степени отражается в языке произведений этих писателей. Учитывался факт практического владения автором исследованием изучаемым говором.

цель и задачи исследования. Цель работы состоит в выявлении особенностей этимологии, семантики фразеологизмов Ушаччины. В задачи исследования входило:

собрать, систематизировать фразеологический материал ушачских говоров;

определить эффективность приемов этимологического анализа фразеологизмов, проследить историю возникновения ряда диалектных фразеологизмов;

выявить особенности вариантных фразеологизмов Ушаччины на фоне вариантов других говоров, литературного языка;

охарактеризовать тематическое поле фразеологизмов "Качественная оценка лица" как наиболее продуктивное в говорах, выявить семантические, структурные особенности фразеологических микрогрупп;

определить стилистические возможности диалектной фразеоло-

¹ Янкоўскі Ф.М. Нарысы рускай дыялектнай фразеалогіі. — В кн.: Слова і фразеалогізм у кантэксте: 56 артык. — Мн., 1981, с.35.

² Аksamітаў А.С. Вывучэнне фразеалогіі ў Беларусі (1965—1980 гады). — Беларуская лінгвістыка. Мн., 1980, вып.18, с.71.

гии в языке художественного текста.

Методологической основой исследования является диалектико-материалистический подход к познанию явлений природы и общества, предполагающий "тесную органическую связь с частными методами" (Б.А.Серебренников). Ведущий метод, применяемый в процессе анализа ФЕ, -- описательный в сочетании с фразеологическими методами идентификации и аппликации.

Материал исследования (свыше 2000 единиц) собран автором в течение 1979--1984 годов в полевых условиях. Сбор фразеологических фактов осуществлялся путем непосредственного наблюдения за живой речью информантов -- носителей традиционных ушачских говоров. Из белорусских фразеологических словарей извлечены единицы с пометой "записано в Ушачском, Мельском районах". Используются фразеологизмы из художественных произведений писателей-ушачан П.Бровки, В.Быкова, Р.Бородулина.

Научная новизна исследования. Реферруемая работа -- первая попытка в белорусском языкознании монографического изучения фразеологии отдельного говора. Новым является выявление степени эффективности приемов этимологического анализа диалектных ФЕ, исследование причин возникновения, онтогенеза диалектных вариантов фразеологизмов. В публикациях автора, в диссертации представлен и введен в научный обиход новый фразеологический материал. Предложены соображения относительно происхождения ФЕ, не подвергавшихся этимологизации либо имеющих спорные этимологические сведения: дуба даць, і у кола і ў мяля, ні ў бабкі гарох, шўрам-бурам, за патрэны мех, у мяліцу трапіць, у юхціну (змокнуць), май змалву і других.

Практическая значимость работы. Зафиксированные факты могут быть использованы при составлении фразеологического словаря Витебщины, Толкового фразеологического словаря белорусского языка, издание которых запланировано Институтом языкознания имени Якуба Коласа АН БССР. Материал и выводы исследования найдут применение в преподавании курсов современного белорусского литературного языка, белорусской диалектологии, лингвистического анализа литературного текста, стилистики в высших учебных заведениях, на спецсеминарах по указанным дисциплинам, при написании курсовых и дипломных работ студентами.

Апробация работн. Результаты исследования

обсуждались и получили положительную оценку на заседаниях кафедры белорусского языкознания Минского государственного педагогического института имени А.М.Горького (1982, 1983, 1984, 1985 гг.), на научно-практической конференции молодых ученых пединститута имени А.М.Горького (Минск, 1984), на итоговых конференциях профессорско-преподавательского состава Минского пединститута имени А.М.Горького (1982, 1983, 1984 гг.), Витебского пединститута имени С.М.Кирова (1985 г.), на республиканских семинарах белорусоведов (Министерство просвещения БССР, 1983, 1984 гг.).

Ст р у к т у р а и о б ъ е м диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы (169 наименований), списка условных сокращений. Общий объем диссертации -- 190 страниц машинописного текста.

Во в в е д е н и и обосновывается актуальность диссертационной темы, выбор региона, формулируются цель, задачи, характеризуются материалы и методы исследования, отмечаются научная новизна, практическая значимость и апробация работы. Излагаются исходные положения, принятые автором:

а) фразеология говоров Ушаччины представляет собой систему. Этот тезис логически вытекает из констатации системного характера фразеологии большинством исследователей. Исходя из идеи фразеологической системы диалекта, можно говорить о взаимосвязи его элементов -- фразеологизмов;

б) в исследовании использованы главным образом диалектные фразеологизмы, имеющие локальное распространение. В некоторых параграфах работы автор обращается к общебелорусским фактам. Исключить из фразеологического запаса информантов общеизвестные фразеологизмы -- значит, искусственно сузить объем фразеологии говора;

в) определяя характер фразеологии (общебелорусский, диалектный), автор не ограничивается данными фразеографических работ. Незафиксированность словарем фразеологизма не свидетельствует о его локальном распространении. Самый богатый словарь вряд ли удовлетворит количеством отмеченных слов, форм, фразеологизмов; в любом случае он фиксирует часть того, что бытует в языке;

г) в процессе фиксации диалектной фразеологии необходимо принимать во внимание -- во избежание психологического барьера -- "внешний" характер записей (непооредственность, раскованность беседы информанта и собирателя).

В п е р в о й главе ("Этимология диалектных фразеологиз-

мов") определяется эффективность приемов этимологического анализа в зависимости от сферы возникновения, прозрачности-затемненности семантики компонентов, мотивированности-немотивированности внутренней формы ФЕ; прослеживается происхождение ряда фразеологизмов посредством восстановления исходного значения, структуры единицы.

В процессе анализа ФЕ, развившихся "в тисках профессиональной среды" (В.М. Жоккиенко), наиболее эффективен прием этимологизации слов-компонентов. Фразеологизмы генетически восходят к свободным, как правило, терминологическим оборотам, которые, расширив границы употребления, утратили мотивированность; ФЕ у жіціну 'очень, совсем' (вымокнуть, промокнуть) и у жіціну 'название одной из операций процесса выделки кожи'; ФЕ дуба ладць 'умереть' и дуба ладць 'выражение из языка кожевников, где дуб -- кора (березовая, ивовая, дубовая, сосновая), употребляемая при дублении'. Фразеологизмы, в основе которых профессиональное понятие или терминологическое выражение, в процессе метафоризации приобретают существенно новое значение. Переключившись с производственной сферы на "житейскую", единицы лишились сугубо профессионального назначения: як лапацень хто-л. 'тот, кто болтает не утаха!' (ср. ит. лапацень 'деталь в мельнице'); як надплитанка 'кто подлизывается, подлизывается ко всем' (сравн.: надплитанка 'крючок, которым подлетают ланты'); карта карце заказвае 'жить, как полагалось издавна, как жили отцы, деды'.

Этимологический анализ не ограничивается установлением происхождения компонентов единицы. Этимологические корни (ср. переходные свободные словосочетания, незамысловатая внутренняя форма) части ФЕ отражает народные обычаи, верования, суеверия крестьян. Истоки ФЕ, основанных на мифологических, демонологических образах, следует искать не в смысловых параллелях между компонентами и соответствующими лексемами, а в духовной жизни народа, его традициях, культуре: мая змайваў 'исчез, пропал бесследно' (ср. ит. мая змайваў 'исчез, пропал бесследно'); чэрці на кулачкі (кулачки) не хадзілі 'очень рано'. Первоначально представление о чертях, дерущихся между собой в полночь.

В процессе этимологического анализа некоторых ФЕ уточнить происхождение фразеологизма можно посредством осмысления его

внутренней формы. Этот прием эффективен при этимологизации фразеологизмов, слова-компоненты которых не нуждаются в специальных объяснениях, внутренняя форма мотивирована, прозрачна. В ФЕ существует определенная, хотя и не прямолинейная связь между фразеологической семантикой и прямыми значениями слов-компонентов: і у кола і у м'яла (насіць, апранаць) 'не беречь одежды' (сравни. кола 'круг в танце, в игре', мяла 'приспособление, которым мляли лен, коноплю'); ні у бабкі гарох 'далеко до завершения, до конца' что-л. (сравни. бабка 'молодой гороховый стебель').

Фразеологизмы с мотивированной внутренней формой имеют соответствующую синтаксическую единицу, на базе которой возник оборот. Фразеологизация свободного словосочетания осуществляется различными путями, но в каждом конкретном случае переосмысление прямого значения происходит при той или иной общей примете, ставшей основой для возникновения новой единицы: у м'ялицу трапиць 'попасть в беду', ні к зусу 'капризный, с норовом' кто-л., хочь зубамі ішч'яся 'решительно ничего нет, не осталось', на галаву лезці (садзіща) 'своевольничать, дурачиться без удержу', загарзлася бирозка 'неодолимое желание сделать что-л. немедленно', век свой 'давно', апрача (апріч) душы (сарца) 'нехотя, через силу'.

В отдельных случаях говорить об исходном "прототипе" ФЕ можно только условно: з таго свету вярнуцца 'подняться на ноги после тяжелой болезни'; чорт палоў (прапалоў) 'нет, не стало, пропало' что-л.; падняць (узьяць) чорта на в'ілы 'неоправданно превознести' кого-л.; чорці боб малочяць 'болит, кружится' (голова). Изредка основа метафорического переноса затемнена или недоступна, так как компоненты ФЕ утратили живые с позиции сегодняшнего дня связи с соответствующими лексемами, с некогда прозрачной внутренней формой: яно сабе 'неважно, не имеет значения', як бы штося 'о чувстве неловкости' перед кем-л., з галаві (галовачкі) 'непрерменно, обязательно' (сделать что-л.). Приглушена примета, на основе которой произошел метафорический перенос, в ФЕ с диалектными компонентами. Причина невыразительной внутренней формы -- в региональном бытовании единицы, в семантической "туманности" компонентов: табалу біць 'болтать, молоть вздор' (сравни. ушачское табала 'болтун'); гав'янды весці 'болтать, говорить лишнее' (сравни. ушачское гав'янда 'болтовня').

"Технология" фразеологизации словосочетаний наиболее отчет-

лива в процессе этимологизации единиц с компонентом именем собственным. В основе фразеологизмов с именем собственным, как правило, реальный прототип, послуживший своеобразным импульсом для образования единицы: як Амiля Змітракова 'привередлив' кто-л. в чем-л. (Красавица Амiля была чересчур прихотлива в поисках жениха). Як Броніх у Москві 'незлая насмешка над скупим или хвастливым' (Дед Броніслав гостил в Москві. Вернувшись в деревню, каждому встречному рассказывал, что в столице за четыре копейки можно объехать весь город). Если связь с реальным прототипом фразеологизма утрачена, компонент — имя собственное может варьироваться: лёгенькі Петрачок (Сивачка) 'послушный, охотно помогающий другим'.

Отличаются своеобразием фразеологизмы, не имеющие соответствующих свободных словосочетаний по причине нарушения каких-либо жизненных пропорций, реальных связей между предметами и, логической неправдоподобности внутренней формы, столкновения несмешанных понятий: хоць дрови сяче на кім-н. 'спокойный, очень терпеливый', як з кошкі воўни 'никакой пользы' от кого-л., з кірпатця язк вичагнуць 'вынудить к спору', чуць (своє) цень постав 'очень худой, тощий' кто-л., як зуби у курци 'нет' чего-л. у кого-л. Вследствие "нематериальности" внутренней формы этимологическую подоснову фразеологизмов следует искать не в значениях компонентов, а истолковывать взаимодействием логического и нелогического, реального и ирреального в отображении действительности, где "несоответствие между точной логикой и образованными языком мы наблюдаем на каждом шагу" (Я.Развадовский).

Анализ этимологически прозрачных фразеологизмов сводится к структурно-семантической характеристике, которая должна быть направлена на то, чтобы: определить характер бытования (общенародный, диалектный) слов-компонентов, на базе которых актуализировалось фразеологическое значение; выделить примету, ставящую основой в семантическом смещении, фразеологическом "приращении" смысла при идиоматизации словосочетания; установить степень продуктивности, регулярности или специфичности, уникальности структурного типа; показать, что обусловило метафоричность, экспрессивность, оценочность оборота.

Во второй главе ("Фразеология говора как система") рассматриваются характерные свойства фразеологической системы —

вариантность единиц, распределение $\Phi\mathbb{B}$ по тематическим (семантическим) полям. Анализируются отношения между переменными словами-компонентами вариантных $\Phi\mathbb{B}$, прослеживаются причины возникновения междиалектных вариантов, определяются структурные и семантические особенности фразеологических микрогрупп.

Автор исследования разделяет мнение ученых о системности фразеологии, к тому же считает, что признание фразеологии как системно организованного явления применимо не только к фразеологическому фонду литературного языка, но и к фразеологии диалекта, говора на том основании, что: "основное направление, принципы исследования фразеологии говоров те же, что и при изучении фразеологии литературного языка" (Э.И.Ластакова); фразеология говора "отвечает требованиям, при наличии которых можно утверждать о системности: 1) множественность элементов, 2) организованность элементов, 3) однородность элементов, 4) взаимосвязанность элементов" (Н.Д.Лабич).

Внимание акцентируется на слово-компонентной (лексической) вариантности. Слова-компоненты в вариантных фразеологизмах, как правило, синонимичны, тематически однородны либо ассоциативно близки. Каскадные факты свидетельствуют: переменные слова-компоненты, соотносясь с различными реалиями, могут быть не связаны ни синонимически, ни тематически, ни ассоциативно. При отсутствии предметных связей между переменными фразеологическими вариантами типа *дьявол не христіць и сабак не христіць* 'ничто не свящивает' кого-л. с кем-л. характер подобных замен нельзя признать произвольным. В каждом конкретном случае вариантность поддерживается языковой традицией, регулирующей границы возможных замен, "ограниченной" фразеологический запас от спорадических единиц. Наглядное доказательство тому — фразеологизмы, диапазон вариантности которых, казалось бы, должен быть одинаковым, к примеру, на основе включения слов-компонентов в одну лексико-семантическую группу. Криволинейное значение в вариантности $\Phi\mathbb{B}$ получает не тематическая однородность компонентов (она — формальный признак), а сохранение внутреннего образа единицы. Следовательно, при замене, не продиктованной внутренним содержанием, фразеологизм разрушается. Но этой причине замена слов-компонентов в отдельных случаях ответственна, органична — если она поддерживается языковой традицией, в других она невозможна — когда компоненты фразеологизма имеют установленный образной основой: *з зубоу*

(з ланка) не спускаць 'много, часто говорить' о ком-л., чем-л. и зубы (?) на выліці класці 'голодаць, жць впроголодь'; мядзведзь (воўк) у лесе злох 'неожиданное, непредвиденное' что-л. и мядзведзь (?) на вуха наступіў 'об отсутствии музыкального слуха, способностей к музыке' у кого-л.

Бытованне ФЭ в групе гаворав, в диалектах, в диалектной речи и литературном языке приводит к сосуществованию междиалектных вариантов, различающихся компонентным составом. Междиалектные варианты ФЭ тождественны по внутреннему образу, по значению, структурно-грамматической характеристике. Различие между ними в обозначении одних и тех же предметов, явлений различными лексемами прослеживается и на ФЭ, функционирующие в одной местности: гульцая кусок (Ушачокій р.) и гульцая кавалак (Горусокій р.). Междиалектная вариантность может породжаться стремлением носителей гавора к осмыслению ФЭ, к активизации внутренней формы фразеологизма, уяснению ее: литературная ФЭ манка нябесная и манка нябесная (Ушачокій р.); артист гаралага тэатра (Ушачокій р.) и артист пагарелаўскага тэатра (дэр.Погорелова в Столовоўскім р.); як на [Гварэўскай вуліцы (Ушачокій р.) и как на ворованскай улице в русских гаворах.

В разделе анализируется семантическое поле "Качественная характеристика лица" как наиболее активное, продуктивное в гаворе, устанавливается общее и специфическое в организации каждой из микрогрупп. За основу берутся следующие теоретические положения:

а) под семантическим (тематическим) полем понимается совокупность фразеологических единиц, "покрывающих определенную область значений" (С.С.Ахманова);

б) при установлении, уточнении границ поля используется семантический способ, предполагающий объединение единиц на основе общности значения, единства семантического стержня;

в) в полисемантических единицах во внимание принимается одно из значений фразеологизма — значение качественной характеристики лица. Отношение ФЭ к тому или другому микрополю не является стабильным: в живом контексте народной речи одна и та же единица может выражать различные значения;

г) что касается условия некоторых фразеологов "выделять в семантическую группу для анализа ФЭ, соотносимые с одной частью речи" (А.И.Черная), считаем его необязательным: во фразеологии,

как известно, первостепенное значение получает семантика. В противоположном случае, по мнению автора исследования, повышенное внимание уделяется структурной организации тематического поля.

Сравнение семантического поля "Качественная характеристика лица" в говорах Ушачины, Минщины, Мстиславльщины выявляет тематическое сходство: выделяются микрогруппы со значением 'высокий', 'невысокий, низкорослый', 'трудолюбивый', 'ленивый, нерадивый', 'высокомерный, спесивый', 'тихий, спокойный', 'умный, сообразительный', 'глупый, тупоголовый', 'скупой, завистливый' и т.д. Основу микрогрупп образуют общеполорусские фразеологизмы, вариантность которых в пределах синонимических, тематически близких, ассоциативных, традиционных связей компонентов обеспечивает бытование их во всех либо большинстве говоров. Общеполорусская основа микрогрупп объясняется однородностью лексического состава говоров (расхождения на общем фоне не столь значительны), единством грамматического строя, близким или сходным осмыслением реалий. В состав микрогрупп кроме общеизвестных $\Phi\Xi$ входят фразеологизмы, употребление которых ограничено территориально. Часть из них имеет семантико-структурные соответствия в литературном языке. Аналоги к другим установить труднее, хотя, как обосновано подчеркивает В.М.Мокиенко, "констатировать в таких случаях отсутствие... параллелей не следует". Локальность бытования части фразеологизмов истолковывается многообразием ассоциаций у носителей различных говоров при восприятии одинаковых фактов, явлений, ситуаций. Сравн. $\Phi\Xi$ со значением 'высокомерный, спесивый': бойся бога хто-н., вась бы я, чорта строїць хто-н., цераз гроб ішке, (толькі што) хваста вээрар не распускае хто-н. (Ушачский р.); хвост дугой дзяржаць, як пава (хадзіць), пінства спараняць (Столбновский р.); хвост палкаю насіць, цану-меру шукаць, рукі у бокі (хадзіць), не знаць сабе цаны, арціст на глянiшчах (Мстиславльський р.).

Структурно-грамматическая характеристика тематических микрогрупп лишена однообразности. Только в отдельных микрополях доминируют фразеологизмы одной модели. К примеру, в тематической микрогруппе 'физически слабый, хилый' преобладают компаративные единицы с союзами як, што: як стусіна, што бізун, як перашчыкнуць, як мзіць, што гліст, як смень, як складаны, як бядняцкая каза и др. оборотами сравнительной конструкции микрогруппа не ограничивается: на доску (трэску) вырабіцца, дзе што дзелася,

пестричка заб"еш каго-н., три дні до смерці, вечер пераломінь и другие ФЕ. Следовательно, структурно-грамматическая однородность — факультативный, относительный показатель микрогруппы. Несмотря на структурное, грамматическое разнообразие, единицы каждой из микрогрупп "нализываются" на общие семантические модели.

В третьей главе ("Страшенле фразеології Ушаччини в языке произведених писателєй-ушачан") исследуются стилистические возможности диалектной фразеології в языке художественного текста. Предметом наблюдений являются оценочные, синонимические ресурсы ФЕ.

В работах профессора Ф.М.Ликовского изложены факторы, обуславливающие оценочность фразеологизмов: самобытность внутреннего образа единицы, неожиданность сочетания слов в ней, характер компонентов ФЕ. Помимо общих названных факторов, диалектная речь и литературный язык располагают специфическими способами актуализации оценочности единицы. Анализ фразеологизмов, использованных в произведениях писателей-ушачан, выявляет особую продуктивность двух способов — изменения в сочетаемости фразеологизма и употребления ФЕ с пояснительным словом.

Прием изменения в сочетаемости единицы — достояние главным образом поэзии с присущей ей метафоричностью, ассоциативностью, персонализацией. При подобных трансформациях значение, структурно-грамматическая характеристика фразеологизма сохраняется. Единица сочетается с непривычными, нетрадиционными прифразеологическими словами либо меняет предметную соотнесенность. Это дает возможность автору "отойти от... канонов в употреблении фразеологизма, показать его читателю в неожиданном ракурсе" (Т.Н.Трипутина), что делает более рельефными оценочные ресурсы ФЕ: Тале граґа слупы аж развесілі вушы (Н.Броўка). Белая завіруха ломіць зіцелля рукі (Р.Барядулін). Незаблонность, необычность сочетаемости ФЕ свидетельствует не о погрешности, отступлении от общепринятой нормы, а о небанальности восприятия художника, о его праве обновить единицу. Если изменение сочетаемости единицы в литературном тексте — результат оживления фразеологизма в художественно-эстетических целях, то в устной речи "нестандартность" прифразеологических слов (в запасе одного информанта, в неговора, диалекта), как правило, объясняется приблизительным, неточным знанием единицы, непринужденностью, спонтанностью живой речи: Выключай пыту, чайнік кіпіць на ўсіх парусах, а ты не ві-

двіш нічого (Старина). Сравни.: на усіх парусах 'очень быстро' (идти, ехать). Рвється ти у той горат як чорт да кірма (Дольця). Сравни.: як чорт кірма (байля) 'очень сильно'.

Мислим їь свойственно "принимать" пояснительные слова, стимулирующие оценочность высказывания. Фразеологическая устойчивость, как известно, основана на том, что единица, возникнув в конкретных условиях, подчас из реальных фактов, событий, становится своеобразным знаком сходных явлений. Так, появившись в речи портных, шляпников, їь пераць на свой аршин ввели за границы одной профессии, став образной характеристикой каждого, кто судит, подходит к оценке кого-, чего-либо односторонне, исключительно со своих позиций, соображений. Единицу можно соотносить с целым рядом однотипных обстоятельств, поэтому писатель, оживляя фразеологизм, стремится приложить его к "своей" ситуации, наполнить единицу конкретным содержанием: Їв (ляўчук) мераў на свой парты-завскі аршин, хто ж ведаў, што ў гэтай масквічкі свае, ішнія, чым у яго, маркі (сюрная зрапа). Во фразеологизмах устной речи роль пояснительных слов в се выполняют, как правило, местоимения свой, таков, тот, згот, в относительно редких случаях -- прилагательные: Такае яму завярнуў, а сам зьехаў -- цпер насін солі на хвост (Табарчана). Як відрацаў галава на плічах, то вучыцца будзе їь (Стараніца).

Классическое возмoжнoсти использования названных приемов обусловлены особенностями литературного языка и диалектной речи. Литературный язык со свойственной ему своего рода стандартистостью, отвлеченностью не исключает всевозможных отклонений от общепринятого, не вводит запретов на авторское слово- и фразеопотребление. Устная речь при кажущейся "неправильностью", ненормированностью характеризуетел на типичное.

Существенную роль при актуализации оценочности їь в устной речи берет на себя контекст, обеспечивая полноту выполнения которого достигается индивидуальность интонации (выражение лица, жесты, мимика, интонация голоса, психологические паузы и т.д.). Поскольку оценочность, экспрессивность усиливается на фоне живого контекста, їь экзотически актуализируются, обновляют оценочные средства: Сто ти, маліц, думай іь? Вочи заліў, ні глізцяць, конці іь што вогнох. Вазні іь сібе у руці, живі іь як лёцця (Уша-ва). Отдельные тексты, литературно обработанные, в известной

мере скрадываєт, затушевываєт метафоричность, самобытность ФБ: Каспар збянтэжыўся, яло, узяўшы сябе ў рукі, адказаў: Я ж таксама не дрэва, і ў мяне сэрца ёсць (П. Броўка). О потенциальных возможностях народной речи как сокровищнице "сильных эмоционально-экспрессивных средств" (Б.А. Ларин) свидетельствуют неединичные примеры, в которых безобразные, стертые в стилистическом плане выражения в живом диалоге становятся предметно-образными, эмоционально ощутимыми, значимыми (в устной речи развитие семантики словосочетаний терминологического характера нередко идет по пути усиления коннотации): Кінь дурнішца, Антон. Грэх, у дзяды запісаўшыся, кіно_ставіць (Старына). Сьмех сказаць: узіла за_моду_бішца... Кап жонка граблямі білася, дык нашто тады жніць? Я й сам ня б'юся, алі й бабі ні паддамся (Чамлярчына). Не, ні разочку да зяця ня езьдзіла. Што ш ехаць? У маеі хаці маралі_чытаў, а там можа й бітая была б (Жаўніна). Дачушка мая, мае вочы ні бачылі, то й сэрца ні балела. А як паглялзела, якія ён фокусы_паказываіць, то я цябе тут ня кіну (Дольцы).

Использование диалектных фразеологизмов-синонимов привносит колоритность, живость в язык произведения, однако предполагает творческое употребление писателем единицы. При механическом введении диалектной ФБ в художественный текст возникает ощущение стилистической дисгармонии, очевидны языковая нарочитость, искусственное "насаждение" ФБ в словесную ткань литературного стиля: Толькі чалавек, якому ўсё ні баліць ні свярбіць, можа кінуць пачатую справу, не скончыўшы яе. Сраўн.: З маладосці піражывала, стыдзілася, што рука скалечаная, а цяпер мне ні баліць ні свярбіць (Старына).

Присовокупление писателем к общему запасу самобытных локальных ФБ из родных говоров -- проявление заботы об обогащении литературного языка, пополнении его образных ресурсов. Многих диалектным фразеологическим синонимам присущ оригинальный внутренний образ -- свидетельство конкретно-образного воображения, нешаблонного мышления носителей говоров. Такие синонимы, минуя регулятор нормативности, имеют полное право на прописку в литературном языке. Сраўн.: литературная ФБ як дзве кроплі вады 'очень, сильно' (похож, схож) и диалектные як выплывути, як з вока выпаў хто-л.; литературная ФБ як бяльмо на воку 'мешает, раздражает' кто-л. и диалектные як прышч на языку, як дзічка на носе; литературная ФБ як папера 'белый, бледный' кто-л. и диалектные як

палатына, як сала, як ліпіна (Ушаччына). Синонимическое богатство родного языка — источник живописного, "гаваркога" слова, фразеологизма, прочный заслон всему надуманному, фальшиво-искужному в языке, в художественном произведении. Сравн. ненатуральное в белорусском тексте два боты пара (дословная калька ФЭ два сапога пара) и по-народному меткие, выразительные фразеологизмы в значении 'одинаковые, похожие' кто-л. в чем-л.: як аднаго бацькі, з аднаго цэста, адных кароў пасвіць, на адным сонцы сушыцца, два лапці на адну нагу, з адной міскі ядуць, на адной печы разуюцца, у адной лазні парацца (Ушаччына).

Невнимательное отношение к фразеологическому запасу становится заметным недочетом языка художественного произведения. Отметим следующие необоснованные отступления от фразеологической нормы:

а) очевидная "подгонка" под ритму с целью сохранить стихотворный размер: Я ўжо не буду пра сябе, лоць кошка ў душы шкарава (Р. Барадулін). Даже при неудачной замене компонента фразеологизма на душы (сэрцы) кошки скрабуць можно узнать ФЭ, понять ее смысл: 'кому-либо грустно, тревожно'. Однако чересчур открытое "втискивание" поэтом слова шкарава в поэтическую строку режет слух;

б) немотивированные попытки авторов "обелорусить" общенослославянские ФЭ: Надшыла нарэшце восень -- і на дні надвор"яў восем (Р. Барадулін). Ціхенькая, а мужык у яе пад абцасам (В. Быкаў). Безосновательна замена во фразеологизме (як) галаву згубіць 'утратить способность логически мыслить' белорусским страціць: Адоля як галаву страціла, не слухае бацькавай перасцярогі (Ш. Броўка). Следует принять четкое размежевание "Русско-белорусского словаря" относительно употребления глагола згубіць с конкретными предметами, страціць -- с отвлеченными, абстрактными понятиями;

в) фразеологизмы, машинально скалькированные с единиц русского языка: ...лы чужакам не па зубах Паўшар"і караваяў (Р. Барадулін). Приўда, у мяне вока было наметана (В. Быкаў). Я ж сваім на рыбінным футры шыналку (В. Быкаў).

Фразеологические погрешности, извлеченные из контекста произведений, не умаляют эстетической значимости написанного, следовательно тем или иным автором, однако подчеркивают ответственность писателя как носителя национального языка, шире -- носи-

теля национальной культуры. Чувство меры, языкового такта должны сопутствовать автору при отборе фразеологических фактов из услышанного, опубликованного, при введении ФЕ в художественный текст.

В з а к л ю ч е н и и диссертации изложены основные выводы исследования.

При этимологическом анализе доминирует этимологизация слов-компонентов: семантика региональных фразеологизмов предопределяется главным образом локальным, а не литературным значением составных ФЕ. Следует принимать во внимание непосредственные, а не прямолинейные, неоднозначные связи между лексикой и фразеологией говорящего. Обращение к лексическому местному материалу обеспечивает достоверность этимологизации ФЕ.

Важнейшее значение в вариантных фразеологизмах имеет традиционность компонентов, обеспечивающая целостность семантики, единство внутреннего образа и в том случае, когда переменные слова-компоненты на лексическом уровне соотносятся с разными реалиями.

При тематическом сходстве наполненность микрогрупп говоривших в семантическом поле "Качественная характеристика лица" не тождественна. Различие проявляется в самобытности внутренней формы единиц, в узколокальном "приращении" к общепозитивному значению, в высокой или низкой степени фразеологической активности, в многообразии ассоциаций на основе примет, ставшей толчком в процессе метафоризации свободного словосочетания. В пределах семантического поля первостепенное значение приобретает модель-образ, семантическая модель, "гарантирующая" полное сходство либо близость развития образной основы фразеологизмов в разных говорах.

Факты, извлеченные из литературных текстов писателей Ушачины, свидетельствуют: фразеопотребление предполагает знание фразеологического запаса, бережное обращение с ним, сохранение за единицей значения, сочетаемости, стилистической тональности, закрепленных за ней языковой практикой, не исключает индивидуально-авторского использования. У поэтов, прозаиков, требовательных к фразеопотреблению, ФЕ выступают не только средством образности, колорита языка, они включаются в систему авторской мысли, его философии.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. З сённяшняй гаворкі. -- Беларуская фразеалогія, лексікалогія: Зб. артык. -- Мн.: педін-т імя А.М.Горкага, 1980, с.13--19.

2. Старонкі фразеалагічнага слоўніка Ушаччыны. -- Слова і фразеалагізм у кантэксце: Зб.артык. -- Мн.: педін-т імя А.М.Горкага, 1982, с.26--31.

3. Дыялектныя фразеалагізмы (фраземы) у фразеаграфічных працах. -- Слова і фразеалагізм у кантэксце. Зб.артык. -- Мн.: педін-т імя А.М.Горкага, 1982, с.48--52.

4. З нарыса дыялектнай фразеалогіі. -- Слова і фразеалагізм у кантэксце: Зб.артык. -- Мн.: педін-т імя А.М.Горкага, 1983, с.5--17.

5. Народна-дыялектная фразеалогія і літаратурная мова (на матэрыяле гаворак Ушаччыны і твораў П.Лроўкі, В.Быкава, Р.Барадулліна). Тэзісы. -- Слова, фразеалагізм, словазлучэнне: Зб.артык.-- Мн.: педін-т імя А.М.Горкага, 1984, с.57--58.

6. Пра міждыялектную мнагазначнасць фразеалагізмаў. -- Слова, фразеалагізм, словазлучэнне: Зб.артык. -- Мн.: педін-т імя А.М.Горкага, 1984, с.59--63.

7. Фразеалагізм дуба даць. -- Слова, фразеалагізм, словазлучэнне: Зб.артык. -- Мн.: педін-т імя А.М.Горкага, 1984, с.64--68.

8. Міждыялектная варыянтнасць фразеалагічных адзінак. -- Пытанні лексікалогіі, фразеалогіі і стылістыкі: Зб.артык. -- Мн.: педін-т імя А.М.Горкага, 1985, с.3--9.